

ном случае он попадает под арест или подлежит тюремному заключению. Однако дворянин пропускал срок за сроком, оставался глух к требованиям крестьян, и те взяли его под арест. А ему было на это наплевать; пока длился арест, крестьянам пришлось еще оплачивать его содержание. Так что с него были взятки гладки; вот они и нагрянули в Ротвейль, чтобы схватить его и посадить в тюрьму, если он не расплатится немедленно. Взяли и направили к нему своего человека, чтобы тот разыскал его, где бы он ни находился, и потребовал бы с него денег или упрятал его за решетку.

Посланный разыскал дворянина в деревне, когда тот сидел у цирюльника, подстригавшего ему бороду; посланный набросился на него с превеликим шумом и спросил денег. А дворянин ответил: «Успокойся, я тебе заплачу». Посланный ответил: «Мне велено не отпускать вас, пока вы не расплатитесь». Дворянин спросил: «Можешь ты подождать, пока мне подстригут бороду?» Посланный ответил: «Ладно, подожду». Тогда дворянин сказал цирюльнику: «Не стриги больше», и цирюльник оставил ему полбороды. Тут посланный сказал: «Сударь, не изволите ли вы достричься?» А дворянин ответил: «Вот уж нет! Ты же согласился ждать, пока я остригусь; вот и жди сколько угодно; не беспокойся, я не остригусь, иначе мне придется платить». Крестьянин увидел, что его надули; бросился к старосте и хотел задержать дворянина, но цирюльник помог тому скрыться. Вот и ждет посланный, когда дворянин соблаговолит остричь себе бороду, а крестьянам нет от этого никакого проку. И поделом! Не подобает крестьянам ссужать деньгами дворян; напротив, дворяне должны давать крестьянам в долг.

19

О КОРОБЕЙНИКЕ, ПРОДАВАВШЕМ СКОРНЯКАМ СОБАЧЬИ ГЛАЗА ВМЕСТО КОШАЧЬИХ

Во времена, когда все миряне носили четки и высоко ценились камешки под названием «кошачьи глаза», шастали по стране коробейники и офени, домушничая (сиречь заглядывая из дома в дом, не удастся ли выудить деньжонок), а среди них отличался один смышленный малый (я хочу сказать, что он бывал и в Блудлинге, где среди коробейников бесстыдник не редкость), вот и направился он в Гарлем, что в Голландии. Подомушничал он по городу, но деньжонками не разжился и, проходя переулком мимо одного дома, вдруг услышал великий шум и ликованье. Он подумал: «Наведаюсь-ка я туда, авось и мне что-нибудь перепадет».

Он вошел и спросил служащего, что за люди тут собрались. Тот ответил: «Здесь трактир, где имеют обыкновение собираться скорняки, и сегодня здесь весь цех, мужья с женами, два-три раза в год они здесь веселятся, так у них заведено». Услышав такое, офеня подумал, что здесь много не сорвешь, и был бы не прочь с достоинством смыться, только не знал как. Вот и решил он прикинуться скоморохом; кстати, он был искушен в пении, а до песен скорняки весьма охочи. Когда он спел им одну-другую песню, его усадили за стол – дескать, пируй вместе с нами. Дорвавшись до выпивки, он бы и от денег не отказался, остерегался только говорить о «кошачьих глазах», а то скорняки могут сгоряча спустить с лестницы, вот он и стал предлагать им «собачьи глаза», вытацил свой товар, показал хорошенькие четки и воскликнул: «Любезные господа, кто желает купить «собачьи глаза?» Четки так приглянулись скорнякам, что он продал их немало, убрался с деньгами подобру-поздорову и благодарил Бога, что ушел небитый, а вдруг скорняков угораздило бы спросить, что такое «собачьи глаза».

20

КАК МОНАХ ВЫТАСКИВАЛ У ДЕВИЦЫ ЗАНОЗУ ИЗ НОГИ

Босоногий монах нищенствовал, выпрашивая сыр и яйца; в одной деревне он расположил к себе богатую старуху, и та подавала ему больше, чем другим монахам. Вот и пришел он снова просить сыру, а когда она, кроме сыру, дала ему еще и пасхальных яиц, он осведомился: «Матушка, а где ваша дочка Грета, почему я ее не вижу?» Мать ответила: «Ах, она лежит наверху в постели и совсем плоха; она наступила на колючку, и у нее распухла нога». Монах сказал: «Надо бы мне осмотреть ее, авось помогу». Мать сказала: «Да, любезный господин Тилман, а пока я сварю вам супу».

Монах пошел к дочери и ощупывал ей распухшую ногу, а девица вела себя при этом не лучшим образом, но мать полагала, что монах вытаскивает колючку, и крикнула дочке: «Потерпи, дитя мое! Тебе лучше будет». Когда монах сделал свое дело, он спустился с лестницы, взял свой мешок – и давай Бог ноги. Мать едва успела сказать: «Покушайте сперва супу!» А монах в ответ: «Нет уж, нынче я пощусь». Ибо он знал, что здесь ему не поздоровится.